

Методологические проблемы изучения дискурсных практик

Е. А. Кожемякин, Е. А. Кротков

1. Постановка задачи

Сознание современного человека, его мышление, миропонимание и мироощущение формируются в пространстве гетерогенных дискурсов, поскольку дискурс — это научные публикации и учебники, выступления по каналам СМИ журналистов, политиков и деятелей культуры, деловые письма и религиозные проповеди; словом, все, что в форме письменной или устной речи, аудиовизуальных текстов предназначено для целенаправленного воздействия одних людей на других. Известно деление дискурса на институциональный (социализированный, по Р. Барту) и личностный, научный и публицистический, а также юридический, политический, философский и т. п. Каждый из них имеет свою специфику в синтаксическом, семантическом и прагматическом отношениях, у них разнородная онтология, различающиеся системы абстракций (идеальных объектов), расходящиеся (вплоть до противоположности) целевые векторы и т. п. Данное обстоятельство нередко порождает феномен мозаичности (разорванности) картины окружающего человека природного и социального мира и, как следствие, эклектичность мышления и атрофию смысло-

жизненной «вертикали» личности, шизофренические явления в ее психике, экзистенциальную фрустрированность либо, напротив, фанатизм, что способствует принятию человеком иррациональных решений и совершению импульсивных поступков, разрастанию в обществе интолерантности, экстремизма и терроризма. В этой связи особую актуальность приобретают трансдисциплинарные — семиотические, лингвопрагматические, социологические и фило-софско-культурологические — исследования природы (сущностных свойств) разнообразных дискурсных практик, механизмов их комплексного влияния на личность человека, на общественное сознание в целом.

2. Понятие дискурса и его отличия от текста

Почему необходимо понятие дискурса (при наличии коррелятивных понятий «язык», «речь», «мышление» и «текст»)?

Во-первых, правила языка, составляющие предмет исследования лингвистики, — это лишь часть правил, управляющих производством и рецепцией речевой продукции. Между совокупностью правил языка и множеством правил его речевого употребления пролегает «пропасть» неопределенности (И. Тодоров). Последние отражают особенности коммуникативных ситуаций, тактик и стратегий, социальных статусов и целевых интенций их участников. И хотя дискурс и соткан из языка, он, однако, выходит за рамки чисто лингвистической проблематики (Гийомо, Мальдидье).

Сегодня мы являемся свидетелями того, как «движение к внутренним структурам языка» разворачивается в противоположном направлении: от изучения *языковой действительности*, языка в широком понимании переходят к изучению роли языка в конструировании картины мира, в дискурсивном обосновании повседневности, к анализу дискурса как идеологического инструмента, как способа упорядочивания социальных отношений, (вос)создания социального порядка и т. д. [12, 19, 22, 27, 35, 37]. По существу, появляется новый предмет для исследования. Раньше предметом лингвистики считали язык как автономную сущность, обладающую

объективными, не зависящими от человеческого сознания признаками, структурой и связями. Современному научному знанию важно изучать средства и поля реализации языка в антропологическом, социальном, политическом, психологическом и прочих измерениях, а также выработать новые базовые категории, которые отвечали бы новейшим исследовательским запросам. Язык в его классическом понимании (система кодов, средство общения) зачастую не отвечает требованиям современных наук и не представляется адекватным объектом анализа. Язык приобретает теперь актуальность, исследовательское значение лишь в контексте своего собственного применения. Уже не принято считать, что язык лишь обслуживает внешнюю деятельность. Теперь полагают, что язык сам непосредственно является деятельностью. Иными словами, в контексте современных исследовательских парадигм рассматривают язык не сам по себе, а в отношении к «тому, что люди делают» (см., например, [18, 28]). Язык стал объектом идеологической рефлексии, вследствие того что теперь он рассматривается как инструмент манипуляции сознанием и нормирования социального поведения. Столкнувшись с «человеческим» измерением языка (т. е. с полаганием его в области желаний, намерений, действий и взаимодействий людей), исследователи выявили, что принципы функционирования и организации языка на абстрактно-теоретическом уровне не проявляются и «не работают» на уровне реальных человеческого взаимодействия. Иными словами, люди используют язык по иным законам, нежели те, которые ему были «приписаны» классической лингвистикой. Стало понятным, что использование языка зависит от социального, исторического, коммуникативного, экономического и прочих контекстов, а это означает, что он служит инструментом конструирования социокультурной реальности.

Современное состояние «человековедческих» наук принято трактовать в терминах уже не языкового («лингвистического»), а дискурсивного поворота, в первую очередь из-за неудобной для современных парадигм коннотации термина «язык» в его классическом (сосюрловском) определении. Подобный «поворот» обусловлен во многом усилившейся тенденцией к междисциплинарности

и полипарадигмальности: «дискурсология» стала отчетливо ориентироваться на разные философские традиции: в рамках классической философской мысли¹, с одной стороны, и многообразия лингвоцентристских подходов² — с другой. Язык, как структурная, «оторванная от человека» категория, не способен отвечать современным представлениям об объекте анализа. Междисциплинарная категория «дискурса» призвана, по общему мнению, заполнить методологические и онтологические бреши, поскольку она предполагает практическую человеческую деятельность в качестве объекта изучения, снимает метафизическую противопоставленность объекта и субъекта исследования³, помогает преодолеть методологическую оппозицию «факт — конструкт»⁴.

Далее, картезианская дихотомия «*res cogitas — res extensa*», ставшая эпистемологической парадигмой новоевропейской науки, отгородила непроницаемой стеной человеческую субъективность от всего остального мира, мышление от действительности. И только рассмотрение отношения между ними через призму разнообразных речевых практик (традиция, восходящая к создателям лингвистической философии) позволило обозначить путь к их долгожданному

---

¹ Интенсивно идет переосмысление «парадигмального диалога» между гегелевской и кантовской методологиями.

² Здесь имеется в виду развитие, в первую очередь, концепции «здесь-бытия» и языковой онтологии М. Хайдеггера, теории языковой относительности Б. Уорфа, теории языковых игр Л. Витгенштейна.

³ Адаптивность и рефлексивность объекта социально-гуманитарного исследования предполагает, что он обладает сознанием, по большому счету не отличающимся от сознания исследователя. В данном случае парадоксальным, но крайне важным представляется вопрос о возможности вычленения такого объекта исследования, как человек, если он же является и субъектом. Вопрос звучит следующим образом: можно ли рассматривать онтологию как истинно-человеческую, как «антропоцентрическую», если это требует расщепления между онтологией исследователя и объекта его исследования. Дискурс-анализ разрешает эту проблему за счет сопряжения языка и деятельности: исследовать дискурс означает подвергать анализу в первую очередь собственный способ речевой деятельности.

⁴ Дискурс одновременно является и фактом человеческой реальности, и конструктом: то, что говорится в определенном контексте, является не только элементом фактуальной реальности, но и, в потенции, реконструирует ее.

«воссоединению». Во всяком случае, теперь исследователей перестала волновать проблематика «чистого мышления» и «чистого бытия»: стало очевидным, что эти концепты, родившиеся в недрах спекулятивно-мифологического сознания, являются всего лишь контрадикторно противопоставленными абстракциями от дискурсивных процессов.

Наконец, любой дискурс является, конечно же, текстом. Но не каждый текст — это дискурс. Дискурс — это текст, в отношении которого занимают позицию, т. е. актуализированный (осмысленный, «дешифрованный») текст.

В дебатах об онтологическом статусе дискурса центральную роль играет противопоставление его тексту, реже — языку и речи [8, 32, 39]. Принципиальными различиями между дискурсом и текстом считают следующие: а) дискурс относится к области прагматического, текст — исключительно лингвистическая категория; б) дискурс — категория процесса, текст — категория результата; в) дискурс относится к области актуального, текст — к области виртуального.

Рассмотрим их более детально.

- а) Дискурс возникает там, где высказывание имеет социальные последствия; текст представляет собой некоторый абстрактный ментальный конструкт, наделенный характеристиками смысловой целостности и грамматической завершенности. Дискурс является атрибутом коммуникативно-социального поля, текст — атрибутом сознания. Поясним на примере. Высказывание «По газонам не ходить!» можно рассматривать и как элемент дискурса, и как текст. Исследователь дискурса сосредоточится на том, что высказывание относится к конкретному действию, которое имеет социальный характер и обладает вполне определенным, ситуативным практическим смыслом. Оно уместно в пространстве, где есть газон и по отношению к нему есть возможность совершить определенные действия или воздержаться от их совершения (ходить по нему или не ходить). Иначе использование данного высказывания

лишается практического смысла. Исследователя текста будут интересовать внутренние синтаксические и смысловые связи высказывания и его когнитивный эффект: данное высказывание можно описать как имеющее побудительную функцию с определенными значениями.

- б) Дискурс описывается как процессуальная категория в силу своей потенциальной незавершенности, текст же мыслится как результат интенциональной деятельности человека. Например, медицинский дискурс включает в себя непрекращающееся воспроизводство высказываний (жалоба на здоровье, описание боли, диагноз, рецепт, врачебные рекомендации и т. д.) и соответствующих им ситуаций, тогда как медицинский текст представляет собой результат деятельности агентов поля медицины. В дискурсивном поле значение высказывания всегда формируется и развивается в процессе воспроизводства дискурсивных элементов: каждое последующее высказывание уточняет, дополняет или же опровергает предыдущие высказывания. В поле текста значение высказывания всегда имманентно его внутренней структуре. Иначе говоря, в дискурсе смысл сказанного — всегда в последующих, еще не актуализированных высказываниях, в то время как в тексте смысл — в том, что уже сказано.
- в) Дискурс сиюминутен, т. е. соотносится с положением вещей «здесь и сейчас», с конкретными условиями деятельности, с практическим смыслом; он имеет отношение к той ситуации, когда реальное высказывание соотносится с реальными событиями и вне них не обладает онтологическим статусом. Бытие текста — виртуально, его отличает автономно-завершенная сущность, он самодостаточен и может не иметь реального референта. К примеру, миф можно рассматривать как текст, обладающий автономной и вневременной действительностью (предание или легенда), и как дискурс, который создается «на злобу дня» в определенных социальных условиях,

обуславливает и ведет к конкретным социальным действиям (продукция современной рекламы и политики).

Итак, дискурс от текста отличают следующие характеристики:

- принадлежность к сфере действия (а не только к сфере ментальных конструктов);
- функциональность и ситуативность (а не отвлеченность);
- процессуальность (реальное лингвосоциальное речепроизводство, а не оперирование предзаданными ментальными конструктами);
- диалогичность и полифоничность (а не монологичность);
- отнесение к событийности (а не к повторяемости или предзаданности).

Дискурс, обладая перечисленными характеристиками, актуализирует язык (как абстрактную знаковую систему) и тексты (как абстрактные ментальные конструкты). Дискурс как актуализирующая практика является утилитарным выражением языка и текстов, корпусом конкретных условий и правил смыслообразования.

Анализ дискурса, в отличие от анализа текста и анализа языка, позволяет исследовать жесткую связь между содержанием интерпретативного потенциала дискурса и значимыми категориями, выступающими как предмет обсуждения и одновременно как способы суждения и аргументации.

Дискурс вбирает в себя все случайные, ситуативные, специфические свойства, обусловленные конкретными агентами, действующими в конкретных условиях.

На наш взгляд, оптимальным выражением сущности дискурса является формула «дискурс = текст + контекст + деятельность», которая подразумевает:

- единство переданного конкретными семиотическими средствами целостного смысла и ситуации;
- актуализацию языка в определенной ситуации;
- наделение текста статусом события;

— в самом широком смысле, языковое конструирование реальности⁵.

По меткому замечанию английского естествоиспытателя XIX века Д. Гершеля, нельзя внести точность в рассуждения, если она сначала не введена в определения. Любая дефиниция, не исчерпывающая полного смыслового содержания определенного термина, призвана сфокусировать внимание на его конститутивных компонентах. С другой стороны, стремительная эскалация категории дискурса (равно как трансформации предметного поля человековедческих исследований) затрудняет дать дискурсу какое-то одно определение.

В настоящее время термин «дискурс» употребляется в нескольких значениях и применительно к различным объектам. Предлагаемая нами парадигмальная классификация трактовок модифицирует типологию М. Макарова [8, с. 83–99].

Формальная трактовка. Дискурс рассматривается как категория естественной устной или письменной речи — относительно завершенное в смысловом и структурном отношении речевое произведение, длина которого варьируется от синтагматической цепочки двух и более высказываний до содержательно-цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции). Эта трактовка характерна для структуралистских подходов, в основном лингвистических теорий [11, 15, 30].

В *ситуационной трактовке* акцент ставится на прагматике реализации высказываний и их обусловленности культурными, социальными и психологическими факторами. Данное определение характерно для прагматических теорий как в лингвистических

---

⁵ Под языковым конструированием реальности понимается специфическая способность дискурса не только отражать реальность, но и активно воссоздавать ее. В конструировании выражается активность дискурса, его продуктивный характер. Активность, агентивность дискурса предполагает, что система кодов и значений, содержащаяся в дискурсе, порождает конкретные практики; иными словами, люди действуют в том режиме, который «задается» им дискурсом; мир проектируется и моделируется в дискурсе; дискурс дает нам сценарий чувств, действий, оценок, сценарий того, как и что делать, хотеть и говорить.

(см., например, [5, 16, 31, 39]), так и в социологических (см., например, [2, 14, 23]), семиологических (см., например, [1, 13]) и психологических (см., например, [10, 29, 36]) дисциплинах.

В *функциональной трактовке* дискурсом обозначается любой способ функционирования языка в социальном контексте. Хотя идеи формального подхода прочно внедрены в европейскую социально-гуманитарную традицию, функциональный подход в последние десятилетия занимает твердые позиции в Европе и России. Эта трактовка распространена в функционалистских подходах социолингвистических и социологических теорий [21, 24, 33, 34].

Согласно *идеологической трактовке*, дискурс рассматривается как корпус предписаний, правил, требований и их практического выражения в целях рационализации, оценивания и наделения определенным смыслом социальных фактов. Эта практика использования понятия «дискурс» свойственна «критическим» подходам философских, социологических и политологических теорий [18, 20, 26, 27]. В контексте этой трактовки наиболее абстрактное содержание понятия дискурса заключается в том, что оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре. Здесь можно говорить о дискурсе как о социальной формации, например «коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс» или «организационный дискурс». В этих же случаях — по аналогии с социологическими понятиями «общественно-экономическая формация» или «социальный порядок» — говорят о «дискурсивной формации» или «дискурсивном порядке» [20].

Перечисленные основные трактовки дискурса свидетельствуют не столько о разнообразии возможных научных парадигм и исследовательских точек зрения, сколько о многоаспектности и многопараметральности дискурса как предмета научного анализа.

В нашем понимании *дискурс* — это произведенная в определенных исторических и социальных рамках, институционально организованная и тематически сфокусированная последовательность высказываний, конструируемая относительно определенной цели и решения каких-либо проблем, рецепция которой (последовательности) способна повлиять на модели субъективного опыта

человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение. Дополним эту дефиницию некоторыми пояснениями.

- Дискурс биполярен: он располагается в коммуникативном «пространстве» между автором, т. е. субъектом, производящим его, и реципиентом (потребителем), т. е. субъектом, воспринимающим этот дискурс (реципиентом может быть и сам автор).

- Дискурс мотивирован: автор дискурса создает его с намерением что-то изменить в реципиенте (в познавательном, психологическом или поведенческом планах).

- Дискурс является речевой проекцией некоторой вневлигвистической (субъективной или объективной) реальности. В постмодернистской парадигме дискурса любой его текст замыкается на другой, а тот, в свою очередь, на последующий, *ad infinito* (Жак Деррида: «Нет ничего вне текста»). Однако данный подход — его следовало бы назвать «дискурсным редуционизмом» — имплицитно отказ от семантических категорий «смысл», «значение (референт)» и «истина», что уже само по себе предельно деструктивно для теории и философии языка. Как мы уже упоминали, дискурс выходит за рамки лингвистической проблематики.

- Существует аутентичное смысловое содержание дискурса, т. е. то, что посредством текста действительно «высказано» в нем его автором (иногда — вопреки его собственным намерениям). Отказ от этого постулата денонсирует целевую интенцию дискурса. Не потому ли мы так тщательно редактируем свои выступления, письма, статьи и книги, что хотим предельно точно выразить то, что намерены выразить?

- Дискурс интересубъективен: при некоторых условиях аутентичное смысловое содержание дискурса доступно разным реципиентам. Любое радикальное сомнение в справедливости этого тезиса подрывает коммуникативную интенцию дискурса. Если каждый понимает текст только на свой лад, то для чего мы вообще пишем эти письма, статьи и книги?

- Общим условием адекватной рецепции дискурса, его «прозрачности» является наличие у автора и реципиента сходных коммуникативных «кодов», институциональных правил употребления

языка в типовых речевых ситуациях и т. п., т. е. того, что можно было бы назвать единством дискурсных парадигм. Автор «просчитывает» (прогнозирует) рецептивные особенности предполагаемого потребителя его дискурса, а потребитель производит «настройку» своего дискурсного рецептивного аппарата на коммуникативные намерения его автора, на возможные условия производства дискурса. (Тем не менее, некоторый интервал субъектно-личностной дивергенции в рецепции смыслового содержания дискурса, по-видимому, неизбежен).

● Смысловое содержание дискурса отражает (отрицает, согласуется, включает, восполняет) тематически связанные с ним дискурсы других авторов, включая прежний дискурс самого автора.

3. Ключевые аспекты анализа дискурса

Совокупность сформулированных выше постулатов задает дискурс как предмет научного исследования. Основная задача научной теории дискурса — построение унитарной (единой) матрицы (модели) дискурсной деятельности, представляющей собой систему коррелятивных параметров этой деятельности. Ясно, что такая модель должна быть многоаспектной и многопараметральной, поскольку дискурс — это многослойный, многоуровневый и многофакторный феномен — языковой, речевой, психический, когнитивный, социальный. Поэтому решение этой задачи предполагает осуществление комплексного (междисциплинарного) исследования методами и средствами лингвистики, семиотики, теории речевой коммуникации, когнитивистики, социологии, теории аргументации, логики, методологии и философии языка.

Исходя из предложенного выше определения дискурса и его презентаций другими авторами, мы считаем релевантными дискурсу следующие аспекты его анализа:

- а) синтаксические и стилевые характеристики языка дискурса;
- б) семантика языка дискурса (способы связи знаковых форм языка дискурса с их предметными значениями, связи языковых выражений по их смысловому содержанию);

- в) прагматика дискурса (типологические характеристики возможных адресатов (реципиентов) и адресантов (авторов) дискурса, разновидности его коммуникативных стратегий и тактик, цели и задачи речевых актов);
- г) дискурсная рефлексия (наличие двух уровней языка: высказывания об объектах внетекстовой, экстралингвистической реальности — предметный дискурс, и высказывания о языке, тексте, смысловом и предметном содержании — метадискурс).

Аспекты а) и в) соответствуют формальной трактовке дискурса, в) и г) — ситуационной, а), в) и г) — функциональной, а), б) и в) — идеологической. Из этого видно, что дискурс является предметом межпарадигмального и междисциплинарного анализа, поскольку только комбинация трактовок дискурса (а соответственно, и подходов к его изучению) позволяет рассмотреть все его наиболее значимые аспекты.

Синтаксические и стилевые характеристики языка дискурса. Одно дело — построение фраз, высказываний официального документа, доклада, а другое — синтаксические конструкции продукта неформального речевого общения; сравните также: стилистика научной статьи и пропагандистского материала.

Семантика языка дискурса. Речь идет о способах связи знаковых форм языка дискурса с их предметными значениями, о связи языковых выражений по их смысловому содержанию. Семантической является хорошо известная «проблема языковых кодов» — правил (алгоритмов) интерпретации текста. Проблема состоит именно в том, что практическое использование языка нередко не укладывается в рамки стандартной его семантики, находится под влиянием ситуативного и исторического, социального и идеологического контекстов, не эксплицируемых этой семантикой. Известна также проблема семантического анализа интенциональных контекстов.

Когнитивные структуры дискурса. К ним мы относим формы и методы реализации дискурсом познавательных целей — описание

и объяснение фактов, формирование и обоснование гипотез, прогнозирование, а также логические средства дискурса.

Прагматика дискурсного текста. Сюда относятся типологические характеристики возможных адресатов (реципиентов) и адресантов (авторов) дискурса, разновидности его коммуникативных тактик, цели и задачи суггестивных технологий, речевых актов. Характерной и известной иллюстрацией существующих в этом плане различий является подразделение спора как разновидности дискурса на спор для установления истины (научный спор) и спор для убеждения (эвристический спор): у них разные (в целом) цели, «манера» ведения, способы аргументации.

Дискурсная рефлексия. Имеется в виду наличие двух уровней речи (языка): высказывания об объектах внетекстовой, экстралингвистической реальности — предметный дискурс, и высказывания о языке, тексте, смысловом и предметном содержании — метадискурс. Настоящая программа пишется языком метадискурса, в то время как специалист по строительным конструкциям в своем экспертном заключении о причинах обрушения здания «работает», в основном, в рамках предметного дискурса; преподаватель биологии, освещающий, к примеру, образ жизни какого-либо вида хищных животных, редко прибегает к метавысказываниям, а преподаватель курса логики продуцирует метадискурс, обращаясь к предметным высказываниям лишь в качестве материала для анализа.

Признавая факт бесконечной полифонии содержания и объема понятия «дискурс» и следуя принципу «невозможной фиксации», мы предлагаем исследовать дискурс в системе его основных параметров (переменных) и их индикаторов (значений), т. е. как некоторую унитарную матрицу или модель, что, в свою очередь, позволит конструктивно выделить *specifica differentia* разнообразных жанров дискурса и осуществить их компаративный анализ.

Существующие модели дискурса — например, когнитивные модели Ван Дейка [18] и О. Йокояма [3], презентационная модель

В. Карасика [4] и А. Олянича [9], политическая модель Э. Лаклау и Ш. Муфф [25], критическая модель Н. Фэрклоу [20] и другие — в той или иной степени базируются на теории археологии Фуко: это означает, что указанные модели выстраивают систему некоторой дискурсивной формации или же систему тех или иных аспектов дискурса. Так, следует, видимо, говорить, о модели анализа системы производства знания, модели анализа презентем в дискурсе, модели политического дискурса, модели анализа социального дискурса и т. д. В то время как фукианская теория дискурса предполагает моделирование систем рассеивания и форм распределения знания (т. е. моделирование открытой системы, предполагающей динамику значений переменных, модуляции спектра индикаторов), существующие модели скорее концентрируются либо на выявлении и описании, либо на упорядочивании элементов, относящихся к той или иной области функционирования дискурса. Безусловно, такое моделирование имеет важное исследовательское значение: анализ тех или иных «дискурсивных пульсаций» позволяет в итоге создать общую картину дискурса и его функционирования. К сожалению, такое генерализованное видение дискурса современные социально-гуманитарные науки еще не выработали, что также относится и к теории дискурса Мишеля Фуко. Вклад Фуко в анализ *оснований и условий* дискурса представляет собой тот базис, на котором, вероятно, и должны выстраиваться методологические модели дискурсного анализа.

Схематично изложим основные результаты наших попыток построения открытой, полипараметральной, унитарной модели дискурса [6, 7]. Данная модель основана на системе параметров и значений, используемых в вышеуказанных моделях, и представляет собой опыт их комбинации.

Мы относим к основным *переменным* дискурса следующие:

- 1) телеологический параметр (цели дискурса);
- 2) онтологический параметр (природа реальности и объектов, номинируемых в дискурсе);

- 3) язык;
- 4) когнитивный параметр (формы и методы познания, конструирования и воспроизводства знания);
- 5) контекстный параметр (типы контекста, в которых реализуется дискурс);
- 6) текстовой параметр (типы текстов, воспроизводимых в дискурсе);
- 7) коммуникативный (характер прагмалингвистических отношений).

Далее мы рассмотрим подробнее индикаторы каждой переменной.

1. *Телеологический* параметр подразумевает спектр следующих возможных целей дискурса:

- репрезентация (построение дискурса относительно реального, или объективного, положения вещей);
- интерпретация (построение дискурса относительно понимания положения вещей, рецепции смыслов);
- праксис (построение дискурса относительно технологии изменения положения вещей);
- диагностика (построение дискурса относительно (обнаружения) существенных качеств (свойств) положения вещей);
- нормирование (построение дискурса относительно идеального или желаемого положения вещей);
- прогноз (построение дискурса относительно прогнозируемого положения вещей).

Очевидно, что каждый дискурс обладает некоторым набором целей, который является специфицирующим для него. Так, идеология, бесспорно, преследует и описательные, и аргументативные цели, однако нормирование является приоритетом при построении соответствующего типа дискурса.

2. *Онтологический* параметр. Имеются в виду типы объектов, существование которых постулируется системой гносеологических

абстракций дискурса, виды детерминации одних объектов другими, способы существования этих объектов. К примеру, предметную область естественнонаучного дискурса составляют материальные объекты с физическими, химическими и биологическими формами взаимодействия; гуманитарного дискурса — системы социокультурных смыслов и ценностей, возникающие на их основе межличностные и групповые отношения; логико-математического — абстрактные структуры, имеющие дефинитивную природу и логическую детерминацию.

Предметную область дискурса могут составлять:

- физическая (природная) область;
- психическая область;
- виртуальная область;
- социальная область.

Так же как и в предыдущем случае, каждый дискурс оперирует предметами различной природы, относящимися к различным типам реальности. В таком аспекте мы отмечаем возможное смешение предметных областей дискурса: например, дискурс квантовой физики помещает предмет одновременно в область физических и в область виртуальных явлений, а дискурс СМИ — в область виртуальных и в область социальных.

3. *Языковой* параметр включает в себя:

- речевые акты (десигнаторы, прескрипторы, комиссивы, экспрессивы, апрейзоры);
- языковые средства (экспрессивные и понятийные).

Необходимо заметить, что связь между тем или иным типом речевого акта и целью дискурса не всегда очевидна, а в некоторых случаях отсутствует: так, например, некоторые «мягкие» пропагандистские дискурсы (реклама) часто используют не комиссивы, как это могло бы показаться очевидным, а десигнаторы и апрейзоры.

4. *Когнитивный* параметр. К нему мы относим формы и методы реализации дискурсом познавательных целей — описание и объяснение фактов, формирование и обоснование гипотез, прогнозирование, а также логические средства дискурса. Несложно

усмотреть различия в способах обоснования, характерных для дискурса эмпирических наук (физики, биологии, социологии), с одной стороны, и формальных (логики, математики) — с другой; в моделях объяснения фактов в гуманитарном и естественнонаучном дискурсах; в логических принципах дискурса классической и интуиционистской математики и т. п.

5. *Контекстный* параметр (типы контекста):

- экзистенциальный (мир личностно-значимых для коммуникантов объектов, состояний и событий, к которому относит то или иное высказывание дискурса);
- грамматический (грамматический мир дискурса, характеризующийся формальными, синтаксическими связями между высказываниями);
- ситуационный (область деятельности, общения, статусно-ролевых отношений: формальные — неформальные, институциональные — повседневные);
- психический (мир ментальных и когнитивных явлений, ответственных за программу дискурсивной практики).

6. *Текстовый* параметр подразумевает воспроизводство в дискурсе следующих типов текста:

- нарративы (текстовые единства, основанные на последовательности изложения, структура которого становится более определяющей в отношении смысла текста, нежели природа и специфика элементов структуры);
- тезисные тексты (тексты, в которых смысл достигается и поддерживается за счет ценности каждого отдельного высказывания);
- референциальные тексты (тексты, воспроизводящие смысл, поддерживаемый другими текстами);
- «панорамные» тексты (тексты, локализирующие смысл на генерализованной дескрипции действительности).

7. *Коммуникативный* параметр подразумевает наличие следующих характеристик коммуникативного поля, в котором реализуется дискурс:

- статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников общения;
- условия общения (сфера, среда, фоновые знания, прецеденты коммуникации);
- стратегии общения (мотивы, цели, контроль общения);
- способы общения (канал, режим, стиль и жанр общения).

4. Типологические проблемы

Общепризнанно наличие некоторого множества дискурсивных жанров (разновидностей дискурсов) — естественнонаучный, гуманитарный, философский, математический, социологический, юридический, политический, педагогический и т. д. Однако их *specifica differentia* нередко ускользает из сети категориальных средств дискурсного анализа. В связи с выделенными параметрами дискурса целесообразно найти ответ на вопрос о том, что (какие параметры и их значения) специфицирует дискурс. К примеру, принципиально значимой исследовательской задачей является определение характерных черт научного дискурса в его сопоставлении с дискурсом идеологическим или политическим в контексте различения науки и идеологии.

Нам представляется необходимым выделить как минимум два способа решения проблемы спецификации дискурсов. Во-первых, это количественный поиск коррелятов между индикаторами параметров дискурса. Например, своего рода «комбинация» нормирующей цели, социальной предметной области, экспрессивных языковых средств, эмпирической аргументации, ситуационный и психический контексты, тезисные тексты и формализованные статусно-ролевые коммуникативные характеристики участников общения позволяет идентифицировать идеологический тип дискурса. Соответственно, изменение одних параметров приводит к трансформации других, что меняет тип дискурса в целом. Исследовательской

задачей является диагностика параметров дискурса и корреляционный анализ их значений. В качестве значений параметров (и суб-параметров) будут фигурировать: (а) их наличие либо отсутствие и (б) их частотная характеристика в анализируемых текстах. Однако подобный процесс квантификации коррелятов дискурса сопряжен с рядом методологических трудностей, главные из которых, это обнаружение тех параметров, изменение которых неизбежно приводит к изменению состояния всего дискурса, а также изучение «границ» дискурса того или иного типа.

В связи с указанными трудностями обратим внимание на другой способ идентификации типа дискурса. Возможным решением проблемы спецификации дискурса может быть качественный анализ «векторной» направленности дискурса. Исходя из того что границы дискурсов эмпирически не фиксируемы, не маркированы и «размыты», можно предположить, что дискурсы существуют не в форме соприкасающихся плоскостей, но в динамичной форме векторов, направление каждого из которых задано некоторой *проблемой*. Иными словами, дискурс возникает из некоторого рассогласования, разграничения, затруднения, несоответствия или противоречия. Для каждого типа дискурса характерна своя практика различения и своя стратегия проблематизации. Собственно, сама специфика дискурса задается в первую очередь характером и природой этого первичного рассогласования, различения, практикой противопоставления. Так, базисными рассогласованиями в идеологическом дискурсе будет противопоставление «своих» и «чужих», «власти» и «народа», «идеи» и «реальности», в то время как в медицинском — «нормы» и «патологии», «тела» и «духа», «вреда» и «пользы». В соответствии с тем, *что является ключевой проблемой дискурса, как в нем осуществляется проблематизация и как распределяются в дискурсивном поле возможные ответы на главные вопросы*, все вышеперечисленные параметры дискурса начинают функционировать в определенном «режиме»: например, проблема профилактики патологий организма в медицинском дискурсе предопределяет такие значения параметров, как использование понятийных языковых средств, специальных условий общения,

создания ситуационного или экзистенциального контекста и так далее. Таким образом, исследователь осуществляет глубинный анализ дискурса с целью (а) поиска проблемы как интегрирующего дискурсного фактора, (б) идентификации способов проблематизации и (в) спецификации параметров дискурса в соответствии с определенной проблемой.

На наш взгляд, сочетание первого и второго способов поиска специфичных черт дискурсов различного типа не только возможно, но и желательно. С одной стороны, процедура квантификации параметров дискурса позволяет исследователю в определенных случаях обнаружить ключевую проблему, специфицирующую дискурс, особенно в тех случаях, когда ключевая проблема имеет латентный, скрытый, неявный характер. С другой стороны, качественный глубинный анализ проблемы дискурса позволяет исследователям продиагностировать дискурсивные механизмы ее решения в контексте параметров дискурса (например, ответить на вопрос, действительно ли используемые в дискурсе языковые средства или коммуникативные характеристики способствуют (не препятствуют) решению ключевой проблемы). Применение этой модели к изучению тех или иных дискурсов предполагало бы следующее содержание исследовательского процесса:

- количественный формально-статистический анализ дискурса (поиск регулятивов, т. е. повторяющихся, воспроизводящихся значений и смыслов, зафиксированных с помощью тех или иных параметральных категорий);
- качественный анализ «направленности» («векторности») дискурса (поиск характерного комплекса проблем, на решение которого нацелен данный тип дискурса, и диагностика дискурсивных механизмов ее решения).

5. Заключение

Итак, мы связываем решение проблемы спецификации дискурсов с построением дескриптивно-квантитативной матрицы, содержащей интегрирующую («скрепляющую») дискурс проблему

(рассогласование, противопоставление, различение), а также некоторый набор дискурсных аспектов и параметров. В качестве таковых предлагается рассматривать выделенные выше четыре «измерения» дискурса: синтаксический, семантический, прагматический и рефлексивный аспекты. Каждый из них конкретизируется в наборе параметров, которые, в свою очередь, могут быть ассоциированы с определенным множеством субпараметров. К примеру, языковой параметр диверсифицируется наличием либо отсутствием в тексте употреблений слов или словосочетаний с прямым и косвенным значениями, ассерторических и модальных высказываний, экстенциональных и интенциональных контекстов; онтологический — способами существования объектов и видами их детерминации; когнитивный — разнообразием форм и методов мыслительной деятельности, логических принципов; коммуникативный — дупольностью речевой коммуникации и типами коммуникативных тактик, и т. п.

Корреляционный анализ, метод экспертной оценки, а также качественные интерпретативные методы позволят произвести классификацию дискурсов, уточнить их жанровые особенности и межвидовые связи, проанализировать возможности и перспективы междискурсивной коммуникации (например, между носителями институционального и бытового дискурсов) и междискурсивной совместимости.

Реализация этого проекта позволит также осуществлять диагностику дискурсивных практик, совершенствовать их методику, повысить их коммуникативную и познавательную эффективность, социальную значимость.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии. М., 2004.
2. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
3. *Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
4. *Карасик В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

5. *Кашкин В. Б.* Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 337–353.
6. *Кожемякин Е. А.* Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. № 3. 2006. С. 25–39.
7. *Кротков Е. А.* Диагностическое познание. Белгород, 2006.
8. *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003.
9. *Олянич А. В.* Презентационная модель дискурса. Дис. ... доктора филологических наук. Волгоград, 2004.
10. *Павлова Н. Д.* Коммуникативная парадигма в психологии речи и психолингвистике // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н. Д. Павлова. М., 2002. С. 7–18.
11. *Сусов И. П.* Общее языкознание. Тверь, 1997.
12. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
13. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
14. *Chalaby J. K.* Beyond the prison-house of language: discourse as a sociological concept // British journal of sociology. December 1996. Vol. 47 (4). P. 684–698.
15. *Coulthard M.* Introduction to discourse analysis. L., 1985.
16. *De Saussure L.* Pragmatic issues in discourse analysis // Critical approaches to discourse analysis across disciplines. Vol. 1 (1). L., 2007. P. 179–195.
17. *Dijk T. van.* Cognitive context models and discourse // Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness. Amsterdam, 1997. P. 189–226.
18. *Dijk T. van.* Discourse and manipulation // Discourse and Society. Vol. 17 (3). 2006. P. 359.
19. *Fairclough N.* Discourse and social change. Cambridge, 1992.
20. *Fairclough N.* Critical discourse analysis. L., 1995.
21. *Harder P.* The status of linguistic facts: rethinking the relation between cognition, social institution and utterance from a functional point of view // Mind and language. February 2003. Vol. 18. № 1. P. 52–76.
22. *Hodge B., Kress G.* Social semiotics. Cambridge, 1988.
23. *Jameson F.* The prison-house of language. Princeton, 1972.
24. *Laclau E.* The death and resurrection of the theory of ideology // Journal of political ideologies. 1996. Vol. 1. № 3. P. 201–220.
25. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics. L., 1985.

26. *Mouffe C.* Feminism, citizenship and radical democratic polities // *Feminists theorize the political*. L., 1992.
27. *Pecheux M.* Language, semantics and ideology. L., 1982.
28. *Potter J., Edwards D., Wetherell M.* A model of discourse in action // *American behavioral scientist*. January 1993. Vol. 36. № 3. P. 383–401.
29. *Potter J., Reicher S.* Discourses of community and conflict: the organization of social categories in accounts of a 'riot' // *British Journal of Social Psychology*. 1987. Vol. 26. № 1. P. 25–40.
30. *Schegloff E. A.* Between micro and macro: contexts and other connections // *The micro-macro link*. Berkley, 1987. P. 207–234.
31. *Segerdahl P.* Language use: a philosophical investigation into the basic notions of pragmatics. Houndmills, N. Y., 1996.
32. *Tannen D.* Analysing discourse: text and talk. Washington, 1982.
33. *Thompson J.* Studies in the theory of ideology. Cambridge, 1984.
34. *Tracy K.* Action-implicative discourse analysis // *Journal of language and social psychology*. March 1995. Vol. 14. № 1–2. P. 195–215.
35. *Verschueren J.* (ed.) Linguistic action: some empirical-conceptual studies. Norwood, 1987.
36. *Wetherell M., Potter J.* Discourse analysis and the identification of interpretative repertoires // *Analyzing everyday explanation*. L., 1988.
37. *Wodak R.* Critical linguistics and critical discourse analysis // *Handbook of pragmatics*. Amsterdam; Philadelphia, 1994. P. 30–42.
38. *Wodak R.* Disorders of discourse. L.; N. Y., 1996.
39. *Yule G.* Pragmatics. Oxford, 1996.